

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Васильева Людмила Алексеевна

**МИФОТВОРЧЕСТВО И МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ПЕЧАТНЫХ СМИ:
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Специальность 10.01.10 – журналистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2017

Диссертация выполнена в Санкт-Петербургском государственном университете.

Научный консультант: доктор политических наук, профессор Корконосенко Сергей Григорьевич, заведующий кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ.

Официальные оппоненты:

Короченский Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»;

Кудрявцева Мария Евгеньевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры связей с общественностью гуманитарного факультета ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)»;

Свитич Луиза Григорьевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник кафедры периодической печати факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова».

Ведущая организация: АНО ВО «Московский гуманитарный университет».

Защита состоится «04» июля 2017 года в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.17 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 26, СПбГУ, ауд. 304.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Материалы по диссертации Л. А. Васильевой размещены на сайте СПбГУ по адресу: <http://jf.spbu.ru/about/4321/7267.html>

Автореферат разослан: «___» _____ 2017 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. Г. Фещенко

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Процессы глобализации, мировой экономический кризис, волны революций и войн – эти и другие направления общественного развития влияют на духовное состояние общества. Немаловажную роль в этих процессах играют массовые коммуникации. Их становление и развитие стало закономерным результатом эволюции политической мысли, находящейся под влиянием базовых мировоззренческих установок. Они создают единое информационное пространство, участвуют в процессах социализации, служат основным каналом получения информации. От направленности и характера их материалов зависит, какие взгляды, стереотипы, мнения и мировоззренческие установки будут складываться у населения.

Основной социальной ролью формирующихся массовых коммуникаций является не простое информирование, а посредством использования безграничных трансляционных возможностей внедрение в массовое сознание определенных ценностей. Будучи одним из самых влиятельных институтов, формирующих общественное сознание, коммуникационные каналы апеллируют к чувственным, иррациональным, эмоционально-волевым элементам. На смену идеологически обоснованной коммуникативной среде, создававшей целостный дискурс, являющийся коммуникативно-языковым воплощением единой концептуальной советской картины мира, пришла другая ее многовариантность. Процесс формирования и развития средств массовой информации советского периода детерминировали, предопределяли процесс формирования и развития современных печатных СМИ, призванных обеспечивать совмещение когнитивных, познавательных горизонтов индивида, членов группы, социума в целом, представляли собой реальное следствие продолжающейся модернизации всей политической системы. Печатную прессу отличает наличие профессиональных стандартов, развитая методика подготовки

публикаций, отбора и проверки информации, тщательное выстраивание редакционной политики. Эти качества традиционной прессы вызывают доверие к брендам. Кроме того, печать представлена сложными для восприятия каналами информации, так как чтение требует значительных интеллектуальных усилий, что предполагает определенный уровень образованности аудитории. В отличие от передач радио или телевидения, просмотр печатной продукции не имеет временных ограничений и, следовательно, она способна оказывать продолжительное воздействие на сознание. Пресса использует широкий арсенал методов влияния на общественное мнение: средства эмоционального воздействия (сенсационность, срочность, метод запугивания); изменение коммуникативно-содержательной стороны информации (искажение информации, манипуляция временем и местом ее подачи, мифологизация, отсутствие альтернативных источников информации); лингвистические приемы (фрагментация, дробление, упрощение, повторение, метафоризация и др.).

Актуализирует важность изучения данной проблемы то обстоятельство, что мифическая природа информационных действий меняет рациональную организацию политического процесса на иррациональную. В исследовании массовых коммуникаций данная ситуация создает определенные трудности, так как размываются контуры предмета политологического анализа, он становится «неуловимым». Потребностям политической науки отвечает концепция социально-политического мифотворчества, которая бы учитывала интегрирование политических мифов посредством средств массовой информации в контекст национального историко-политического процесса. Мифотворчество и мифологизация, будучи исторически первичной формой легитимации авторитета и публичной власти, стали частью многообразного политико-символического пространства, выступают как целенаправленный процесс фабрикации и внедрения в общественное сознание социально-политических мифов,

иллюзорных моделей действительности. С учетом этой тенденции необходимо преодолевать фрагментарность анализа, то есть разделение на отдельные исторические периоды, которое является препятствием на пути выявления системных мифотворческих характеристик СМИ.

Исследовательское направление диссертационной работы связано с введением в научный оборот комплексных оценок содержательной специфики политического мифотворчества, транслируемого медийными каналами. Данная работа призвана обозначить приоритетные направления политико-культурных обоснований мифотворческих и мифологических характеристик как феномена, оказывающего воздействие на функционирование печатной прессы применительно к советской политической практике, к демократическим реалиям российского общества, обобщения опыта их формирования и воспроизводства в контексте современных достижений научной мысли. Хронологическая широта исследования позволяет достаточно полно воссоздать картину состояния печатной прессы в единстве методологических и практических подходов, проанализировать проблемы политического воздействия мифотворчества на аудиторию, фиксировать значительные «подвижки» в политическом сознании в результате влияния мифотворчества на практики прессы.

Степень научной разработанности темы. Специальных работ, посвященных исследованию политического мифотворчества, транслируемого каналами СМИ, в настоящее время мало. Имеется значительное число научных работ, в которых освещаются отдельные аспекты данной темы. Анализ проблем в работе ведется в направлении трех взаимосвязанных уровней: теоретико-методологическом, теоретическом и эмпирическом.

Современность породила потребность в исследованиях политических процессов, связанных с секуляризацией и массивификацией социальных явлений (Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет и др.), с их воздействием на сознание по каналам средств массовой информации (Г. Тард, Г. М. Маклюэн), с реализацией медиа-коммуникативной функции символической политики и

символической репрезентации власти (Н. Луман), с процессами доминирования мифов (А. А. Авторханов, М. Джилас, А. А. Зиновьев, Д. Е. Мельников); с новым привлечением мифологических мотивов (С. Московичи), с выделением основополагающих стилей мышления (К. Мангейм), исследованием феномена пропаганды (Г. Лассуэлл)¹. Особо автор выделяет группу научных исследований по проблемам политической культуры, качественной характеристики всей политической системы. Большое значение имеют труды Г. Алмонда, использовавшего термин «политическая культура» как особый тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы². Политологический анализ современных процессов содержится в трудах И. М. Ильинского, Б. Г. Капустина, И. М. Клямкина, Ю. К. Краснова, Г. В. Осипова, В. Б. Пастухова, Л. В. Сморгунова и др.³

Мифотворчество как предметная часть исследования политических коммуникаций, в многообразии своих измерений, привлекает все большее

¹ Авторханов А. А. Империя Кремля. Минск: Политфакт, 1991. 112 с.; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 544 с.; Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность: кризис коммунизма. М.: Центрополиграф, 1994. 494 с.; Лассуэлл Г. Коммуникативный процесс и его структуры. Современные проблемы социальной коммуникации. СПб., 1996. 122 с.; Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 313 с.; Луман Н. Власть. М.: Пракси, 2000. 320 с.; Маклюэн Н. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проспект, 2005. 496 с.; Мангейм Дж. Б. Политология. Методы исследования. М.: Весь мир, 1999. 544 с.; Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Преступник № 1: Нацистский режим и его фюрер. М.: Новости, 1982. 432 с.; 313с.; Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. 560 с.; Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. 704 с.; Тард Г. Мнение и толпа. Психология толп. М.: изд-во КСП, 1999. 416 с.

² Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. М.: Аспект-пресс, 2001. 537 с.

³ Ильинский И. М. Прошлое в Настоящем: Избранное. М: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 840 с.; Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. 312 с.; Клямкин И. М. Трудный спуск с зияющих высот. М.: Биб-ка «Огонек». Правда. 48 с.; Краснов Ю. К. Модернизация российской государственности: уроки незавершенных перемен // Право и управление. XXI век. 2008. № 1; Осипов Г. В. Социология. Основы общей теории М.: Норма, 2003. 912 с.; Пастухов В. Б. Будущее России вырастает из прошлого // Полис. 1992. № 6; Сморгунов Л. В. Гуманитарные технологии и политический процесс в России. СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2001. 224 с. и др.

внимание зарубежных и отечественных представителей политической науки. По их мнению, специфика политического мифа как особой формы ментальности лежит в основе традиционного мировоззрения, которое конструирует мифическую реальность, кодифицирует социальное и ритуальное устройство общества, усиливает его значение для политической коммуникации, осуществляемой информационными каналами. Понятие «миф» крайне неоднозначно трактуется в научной литературе: от примитивного миф как неправда, нередко внедряемая сознательно, с умыслом (антрополого-этнографический подход, Э. Б. Тэйлор) до фундаментально-эпистемологического (миф – то, что принимается на веру, К. Хюбнер)⁴. Эти разработки стали основой исследований в области изучения мифов, религиозных символов и ритуалов.

Соотношения мифического и социального были рассмотрены в трудах структуралистов и функционалистов, исследующих мифологию как функционально интегрированную часть культуры, кодифицирующую социальное и ритуальное устройство общества. В рамках структурно-функциональной теории мифа как «переживаемой реальности» иррациональные аспекты мифотворчества были исследованы Б. Малиновским. Его концепция «теории потребностей» неоднократно подвергалась критике, но до сих пор имеет значительное число последователей, отмечающих ее значимость, видящих в ней методологию проведения антропологических исследований. К. Леви-Стросс, развивая структуралистское понимание мифа, подчеркивал его связь с прошлыми событиями, образующими постоянную структуру для преемственности прошлого, настоящего и будущего в культурной эволюции⁵. В качестве архетипа (первообраза), наследия врожденных психологических структур,

⁴ Тэйлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.; Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.

⁵ Малиновский Б. К. Магия. Наука. Религия. М.: REFL book, 1998. С. 122; Леви-Стросс К. Путь масок. М.: Республика, 2000. 400 с.; Мифологии: в 4-х т. Т. 1. М.: Унив. Книга, 2000. 400 с.; Структура мифов // Вопр. философии. 1970. № 7. С. 152-164; Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 382 с.

организуемых восприятие мира и представления людей об окружающей действительности, миф изучен в трудах З. Фрейда и К. Юнга. Методами аналитической психологии была выведена зависимость поведения людей от мифологических образов на уровне подсознания⁶.

Большинством исследователей феноменальные свойства мифа воспринимаются как очевидность, как следствие неотделимости политики и религии в данных культурах. Особо автор выделяет группу работ Р. Барта, Э. Кассирера, С. Кьеркегора, Дж. Д. Кэмпбелла, К. Флада, А. Шопенгауэра, М. Элиаде, О. М. Фрейденберга и др.⁷ Вместе с тем эти работы ограничены изучением традиционных обществ, в которых влияние мифов рассматривалось в контексте специфики правомерности, законности политического порядка.

Имеется целый комплекс работ отечественных авторов, рассматривающих феномен мифа с позиций историко-культурных (А. Н. Веселовский, Ф. В. Кессиди, А. Лифшиц, А. А. Потебня и др.), социально-философских (Э. Я. Баталов, А. В. Гулыга, А. Я. Гуревич, И. М. Дьяконов, А. Ф. Косарев, А. Ф. Лосев, М. И. Стеблин-Каменский); художественно-эстетических, выявляющих особенности, мифосимволический характер нарративных структур, репрезентированных в художественных текстах (А. В. Млечко, А. В. Ульяновский, Н. А. Хренов, М. А. Эпштейн, Е. Г. Яковлев); с позиций семиотического толкования мифов

⁶ Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. 448 с.; Юнг К. Г. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее. М.: Мартис, 1993. 309 с.; Человек и его символы. СПб.: Унив. книга, 1997. 368 с.

⁷ Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во Сабашниковых, 1996. 315 с.; Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 470 с.; Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 382 с.; Кэмпбэлл Дж. Д. Созидательная мифология. Т. 1-2. М.: Золотой век, 1997-1998. 332 с.; Мифический образ. М.: АСТ, 2004; Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998. 800 с.; Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Издательский дом «Восточная литература РАН», 2004. 263; Шопенгауэр А. Избранные произведения. Ростов н/Д: Феникс, 1992. 540 с.; Элиаде М. Аспекты мифа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад проект, 2001. 242 с.; Космос и история. М.: Прогресс, 1987. 414 с.

(Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, В. Н. Топоров и др.)⁸. Ими были определены новые направления в исторических исследованиях мифического, они ближе подошли к пониманию общности свойств и этапов мифотворчества, в том числе и политического.

Политический миф как символическое действие, лежащее в основе конструирования политической реальности, выполняет важную легитимирующую функцию. Так, Н. Г. Щербинина выделяет две основные тенденции в исследовании политической мифологии: «идеологическую», отождествляемую с политической идеологией, в которой политический миф является образным отражением действительности, и «технологическую», в которой политический миф понимается как манипулятивная технология управления сознанием, позволяющая использовать миф как практическое средство (Э. Кассирер, А. М. Цуладзе, В. С. Полосин, А. Н. Савельев (Кольев))⁹. Исследователь Н. И. Шестов ввел в научный оборот обширный

⁸ Баталов Э. Я В мире утопий. М.: Наука, 1989. 349 с.; Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.; Гулыга А. В. Миф как философская проблема. М.: Наука, 1985. 344 с.; Гуревич А. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.; Дьяконов И. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.; Кессиди Ф. В. От мифа к логосу. СПб.: Алетейя, 1972. 352 с.; Косарев А. Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическое значение. М.; СПб.: PER Se, 2000. 302 с.; Лифшиц М. А. Мифология древняя и современная. М.: Искусство, 1980. 582 с.; Лосев А. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 560 с.; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.; Млечко А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920-1940). Волгоград: изд-во ВолГУ, 2008. 574 с.; Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 206 с.; Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 351 с.; Стеблин-Каменский М. Миф. М.: Наука, 1976. 103 с.; Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.; Ульяновский А. В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005. 544 с.; Социальный миф как брэнд: философская антропологическая эстетика на грани запрета. СПб.:Роза мира, 2003. 234 с.; Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России. СПб.: Алетейя, 2001. 809 с.; Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2002. 446 с.; Эпштейн М. Н. Постмодерн в России: литература и теория. М.: изд-во Элинина, 2000. 367 с.; Яковлев Е. Г. Эстетика. М.: Гардарики, 1999. 463 с. и др.

⁹ Кассирер Э. Философия символических форм; М., СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.; Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 441 с.; Савельев А. Н. (Кольев) Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 382 с.; Цуладзе А. М. Политическая мифология. М.: ЭКСМО, 2003. 383 с.; Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 414 с.; Щербинина Н. Г. Героический миф в конструировании политической реальности России: автореф. дис. ...д-

исторический материал, систематизировал механизмы функционирования социального мифа в политическом процессе, определил формы и границы активности мифа, доказал, что политический дискурс средств массовой информации обладает рядом предпосылок для трансляции мифов, их воздействия на общественное мнение. Манипулятивный потенциал мифотворчества обусловлен интенциональной установкой данного типа дискурса. Цель одна – получение власти и ее удержание, влияние на общественное мнение. Информационные каналы в условиях переноса политических отношений в информационное поле меняют функции, становятся решающим фактором развития политического процесса. Подобная постановка вопроса является принципиально новой для отечественных исследований в области средств массовой информации.

Феноменальные особенности политического мифа исследуются в работах И. М. Дьяконова, В. Н. Келасьева, А. М. Лобка, Г. В. Осипова, С. К. Шайхитдиновой¹⁰. По их утверждению, представляемые и внедряемые в сознание масс средствами массовой информации, архаические формы в процессе мифологизации и мифотворчества демонстрируют высокую степень адаптивности к современным символическим практикам легитимации политического порядка. С этих позиций миф рассматривался в работах, связанных с проблемами манипулирования массовым сознанием (Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, А. А. Евдокимов, Г. В. Жирков, С. Г. Кара-Мурза, И. И. Кравченко, Г. Г. Почепцов, В. В. Прозоров, И. М. Чудинова и др.)¹¹.

ра полит наук. М., 2008. 47 с.; Герой и антигерой в политике России. М.: Весь мир, 2002. 116 с.

¹⁰ Баталов Э. Я. В мире утопий. М.: Наука; 1989. 349 с.; Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука; 1990, 247 с.; Келасьев В. Н., Зобова Р. А. Социальная мифология в России и проблемы адаптации. СПб.: изд-во СПб ун-та, 1997. 140 с.; Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культ. информации, 1999. 686 с.; Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М.: НОРМА-ИНФРА, 2002. 543 с.; Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. 616 с.; Шайхитдинова С. К. Теория и миф: к вопросу о методе // Журналистика в переходный период. М., 1997. С. 41-45;

¹¹ Гудков Л. Д. Негативная идентичность. М.: Новое лит. Обозрение ВЦИОМА, 2009. 816 с.; Дубин Б. В. Россия нулевых: политическая культура, историческая память,

Современное состояние исследования политических мифов, их взаимодействие с различными сферами жизнедеятельности общества характеризуется междисциплинарными подходами, которые позволяют данное явление исследовать наиболее полно, полученные данные использовать в определении не только социально-политических проблем древних сообществ, но и привлекать к объяснению особенностей современной политики.

Для комплексной оценки мифической реальности, кодифицирующей социальное и ритуальное устройства общества, существенного свойства функционирования печатной прессы, важно систематизировать и обобщить фундаментальные исследования в области массовых коммуникаций.

В 60–70-е годы это понятие по отношению к средствам массовой информации связывалось с «буржуазностью» данного явления. Серьезные изменения в исследовании данной проблемы привнесли 90-е годы, в том числе введение в научный оборот термина «массовая коммуникация», который объединяет все существующие в обществе связи: идеологические, экономические, политические, социальные, культурные, информационные. Становление и развитие теоретических концепций массовой коммуникаций стало закономерным результатом эволюции политической мысли, находящейся под влиянием базовых мировоззренческих установок. Зарубежный исследовательский опыт по данной проблеме, в котором определяются теоретические обоснования моделей, соответственно, структуры и функции коммуникативного процесса, статуса коммуникантов в

повседневная жизнь. М.: РОССПЭН, 2001. 391 с.; Евдокимов В. А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта: дис. ... д-ра полит. наук: 10.01.10 / Урал. гос. ун-т . 2007. 280 с.; Жирков Г. В. Проблемы изучения механизма мифологизации в журналистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1992. № 3. С. 47–56; Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 831 с.; Кравченко И. И. Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии. 1999 . N 1. С. 3-17; Почепцов Г. Г. Информационные войны. М: REFL book, 2000. 73 с.; Прозоров В. В. Власть современной журналистики, или СМИ наяву. Саратов, изд-во Саратовского ун-та, 2004. 234 с.; Чудинова И. М. Политические мифы // Социально-политический журнал. 1996. № 6. С. 122-134.

политике, раскрывается сущность и логика политических процессов, представлен трудами Ж. Бодрийяра, Э. Дэнниса, К. Дойча, М. Кастельса, Д. Клаппера, П. Лазарсфельда, Г. Лассуэлла, У. Липпмана, Д. Маккуэла, Э. Мэрилла, Э. Ноэль-Нойман, Т. Питерсона, Ф. Сиберта, Ф. Уэбстера, М. Харона, Г. Шиллера и др.¹². Рассматриваемые научные работы ценны тем, что в них дается системный подход к раскрытию теории вопроса, исследуется эволюция базовых моделей политической коммуникации, раскрываются и осмысливаются связи между процессами и явлениями информационного обмена.

Особое значение в контексте рассматриваемой проблематики имеют теоретические работы в области социальной коммуникации, массово-коммуникационных процессов, механизмов и результатов воздействия на сознание людей средств массовой информации, монографии и статьи отечественных исследователей информационно-коммуникационных технологий в политике: М. Г. Анохина, М. Ю. Павлютенкова (опыт информационно-коммуникационных технологий в политике), а также В. М. Березина (массовая коммуникация: сущность, каналы, действия), М. С. Вершинина (политическая коммуникация в информационном обществе), М. Н. Грачева (теоретико-методологический анализ политической

¹² Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа. М.; СПб. Альманах российско-французского центра социологии и философии ин-та социологии РАН, 1999. С. 193-226; Harronn M., Miller W.L. Elections and Voters. Comparative Introduction. Hampshire. London, 1987. 287 p.; McQuail D. Mass Communication Theory: An Introduction. London, 1987. 352 p.; Дэннис Э., Мэрилл Д. Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997. 384 с.; Дойч К. Нервы управления. Модель политической коммуникации. М.: Наука, 1993. 80 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.; Клаппер Дж. Эффекты массовой коммуникации. URL: http://www.media.uttmn.ru/library-_view_book.php?chapter_num=-1&big=117 (дата обращения: 16.05.2015); Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: Едиториал УРСС, 1999. С.138-149; Липпман У. Общественное мнение. М.: Ин-т «Общественное мнение», 2004. 384 с.; Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996. 199 с.; Сиберт Ф., Шрам У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М.: Вагриус, 1998. 223 с.; Уэбстер Э. Теории информационного общества. М.: Аспект-Пресс, 2004. 400 с.; Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 281 с.

коммуникации), И. И. Засурского (политизация масс-медиа, медиатизация политики), Б. И. Кретьова (СМК как элемент политической системы общества), В. В. Латынова (теория массовой коммуникации), М. М. Назарова (массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований, наркотизирующая дисфункция средств массовой коммуникации); Т. В. Науменко (политическая структура общества), В. П. Пугачева (СМК в современном политическом процессе) и др.¹³. Данные исследования содержат методологическую и понятийную базу для изысканий, раскрывающих природу коммуникации как результат общественного развития, определяют категориальный аппарат, специфику процесса коммуникации в политической сфере, анализируют принципы функционирования и структуру политической коммуникации, моделируют информационно-коммуникационный процесс, выделяют его этапы, выявляют эффективные способы его функционирования.

К их достоинствам можно отнести наличие большого объема результатов, идеи авторов являются убедительными, соответствующими введенным в научный оборот фактам, содержат оценку влияния средств массовой коммуникации на социальную и политическую жизнь общества. Особого внимания заслуживают исследования М. Н. Грачева «Политическая

¹³ Анохин М. Г., Павлютенкова, М. Ю. Информационно-коммуникационные технологии в политике // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 1999. № 1. С. 40-52; Березин В. М. Массовая коммуникация; сущность, каналы, действия. М.: РИП-холдинг, 2003. 174 с.; Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Михайлов, 2001. 253 с.; Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. 428 с.; Засурский И. И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М., 2001. 288 с.; Кретьов Б. И. Средства массовой коммуникации – элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1. С. 110-115; Мелюхин И. С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции. М.: изд-во Моск. ун-та, 1999. 208 с.; Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практик исследований. М.: УРСС, 2002. 240 с.; Науменко Т. В. Массовые коммуникации в политической структуре общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2003. № 3. С. 102-116; Пугачев В. П. Средства массовой коммуникации в современном политическом процессе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 5. С. 5-8; Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3 и др.

коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития», А. И. Соловьева «Политические коммуникации», в которых авторы проводят глубокий анализ основных тенденций в развитии методологии исследований, истории формирования и разработки теоретических концепций политической коммуникации как совокупности процессов и явлений информационного воздействия и взаимодействия в сфере политики.

На протяжении десятилетий научная методика исследования взаимодействия с социально-политическими преобразованиями советского общества базировалась на партийно-классовом подходе. Теоретические исследования в области средств массовой информации сводились к изучению, обобщению традиций и новаторства классиков марксизма-ленинизма, ведущих публицистов советской прессы, к разоблачению манипулятивных особенностей буржуазных СМИ. В конце 70-х – начале 80-х годов изучение профессиональной практики средствами массовой информации было представлено следующими направлениями: журналистика и художественное творчество, журналистика и научное творчество, журналистика и публицистическое творчество и др. Изучая взаимосвязь журналистского, художественного и научного творчества, теоретики определяли общее и особенное в познавательной деятельности исследователя и журналиста, специфику использования научных и художественных методов отображения действительности в работе журналиста. Эти направления отражены в научных исследованиях Т. А. Беневоленской, В. М. Горохова, В. И. Здоровеги, Р. А. Ивановой, Г. В. Колосова, В. Д. Пельта, Е. П. Прохорова, Д. М. Прилюка, Л. Г. Свитич, М. И. Стюфляевой,

В. В. Ученовой, И. Д. Фомичевой, М. С. Черепахова и др.¹⁴ Эти научные труды содержат ценные подходы к исследованию теории вопроса, но вне поля их зрения оставались трансформации, переживаемые прессой, вне зависимости от партийно-политической и организационной принадлежности тех или иных печатных органов, роль мифотворчества в деятельности прессы.

Новый этап в развитии теории средств массовой информации начался в конце 80-х – 90-х годах. В эти годы сформировались новые исследовательские направления, отличные от теоретических концепций предшествующего периода. Особое значение в контексте исследуемой проблемы имеют теоретические работы в области истории, теории журналистики, анализа функций, принципов, механизмов и результатов их воздействия на массовое политическое сознание людей, взаимоотношений власти и прессы, теоретического осмысления психологии массовой коммуникации в коммуникативных процессах. Этим аспектам посвящены работы, наиболее цитируемые в теории журналистики: Е. Ч. Андрунас, Н. Н. Богомоловой, Е. Л. Вартановой, Л. Э. Варустина, В. В. Ворошилова, А. А. Грабельникова, Г. В. Жиркова, И. И. Засурского, Я. Н. Засурского, С. Г. Корконосенко, Р. П. Овсепяна, Е. П. Прохорова, Л. Л. Реснянской,

¹⁴ Беневоленская Т.А. Композиция газетного очерка. М.: изд-во Моск. ун-та, 1975. 88 с.; Горохов В. М. Закономерности публицистического творчества. М.: Мысль, 1975. 192 с.; Иванова Р. А. Партийно-советская печать в годы развернутого строительства социализма. М.: изд-во Моск. ун-та, 1977. 52 с.; Колосов Г. В. Публицистика как творческий процесс. М.: изд-во Моск. ун-та, 1977. 87 с.; Пельт В. Д. Предвоенная советская печать: проблематика выступлений, совершенствование организации прессы в предвоенные годы: 1937–июнь 1941. М.: изд-во Моск. ун-та, 1974. 204 с.; Прилюк Д. М. Теория и практика журналистского творчества: методология проблемы. Киев: изд-во Киевского ун-та, 1973. 342 с.; Пронин Е. И. Печать и общественное мнение. М.: изд-во Моск. ун-та, 1971. 132 с.; Прохоров Е. П. Публицист и действительность. М., 1973. 315 с.; Публицистика в жизни общества. М., 1968. 102 с.; Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Проблемы эффективности университетской подготовки журналистских кадров (по итогам социологического исследования) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1979. № 3. С 25-33; Стюфляева М. И. Образные ресурсы публицистики. М.: Мысль, 1982. 176 с.; Ученова В. В. Публицистика и политика. М.: Политиздат, 1973. 232 с.; Фомичева И. Д. Журналистика и аудитория: теоретич. проблемы и опыт изучения городской аудитории средств массовой информации и пропаганды. М.: изд-во Моск. ун-та, 1976. 158 с.; Черепахов М. С. Проблемы теории публицистики. М.: Мысль, 1973. 269 с. и др.

М. В. Шкондина и других авторов¹⁵. В исследовании И. И. Засурского показано, что медийные каналы этого периода становятся основной средой политической коммуникации, происходит переплетение форм политического и массово-информационного, что позволяет говорить о медиатизации политики и формировании медиаполитической системы.

Проблемы функционирования и эволюции российских средств массовой информации в процессе политической коммуникации в постсоветский период, их роль в избирательном процессе и в политической системе в целом, а также характеристики конкретных групп средств массовой коммуникации широко представлены в междисциплинарных исследованиях российских ученых. К числу таких исследований можно отнести работы И. М. Дзялошинского, А. А. Грабельникова, С. Г. Карамурзы, А. М. Цуладзе и др. Значительный вклад в дальнейшее развитие российской теории средств массовой информации был внесен исследователями в переходный период. Об этом свидетельствует появление значительного количества теоретических работ, защищенных докторских диссертаций, посвященных тем или иным аспектам теории информационных каналов. Проблемами истории, теории, репрезентации средств массовой

¹⁵.; Андрунас Е. Ч. Информационная элита: корпорация и рынок новостей. М.: изд-во Моск. ун-та, 1991. 209 с.; Богомолова Н. Н. Социальная психология печати, радио, телевидения. М.: изд-во Моск. ун-та, 1991. 128 с.; Вартанова Е. Л. Северная модель в конце столетия: печать, телевидение и радио Северной Европы между государственным и рыночным регулированием. М.: изд-во Моск. ун-та, 1997. 183 с.; Варустин Л. Э. Пресса и власть. СПб.: изд-во Ленинград. ун-та, 1995. 267 с.; Ворошилов В. В. Журналистика. СПб.: изд-во Михайлова, 2000. 360 с.; Грабельников А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий: итоги и перспективы. М.: РИП Холдинг, 2001. 334 с.; Жирков Г. В. Советская крестьянская печать – один из типов социалистической прессы. Л.: изд-во ЛГУ, 1984. 179 с.; Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: изд-во Моск ун-та, 1999. 270 с.; Засурский Я. Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990-2004. М.: МГУ, 2004. 464 с.; Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М.: Аспект-пресс, 2004. 287 с.; Овсебян Р. П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. М.: РИП Холдинг, 2001. 316 с.; Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М.: РИП Холдинг, 2001. 268 с.; Реснянская Л. Л. СМИ и политика. М.: Аспект Пресс, 2007. 256 с.; Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.; Шкондин М. В. Система средств массовой информации как фактор общественного диалога. М.: УПЛ ф-та журналистики МГУ, 2002. 30 с. и др.

информации на диссертационном уровне плодотворно занимались А. А. Антонов-Овсеенко, Н. Р. Балынская, Н. М. Бергер, М. А. Бережная, И. Н. Блохин, С. С. Бодрунова, Н. Л. Волковский, И. М. Дзялошинский, В. А. Евдокимов, В. Л. Иваницкий, М. Н. Ким, В. В. Кравцов, Б. Н. Лозовский, Г. С. Мельник, А. Г. Рихтер¹⁶. Эти научные работы в значительной мере восполнили пробел, образовавшийся в теории в связи с кризисом и распадом единой идеологической доктрины их функционирования. Впервые на монографическом уровне проблема влияния прессы на аудиторию рассматривались с позиций целостной системы, объединяющей как объективные, так и субъективные факторы эффективности функционирования СМИ в новых политических реалиях. Нестабильность новейшей идеологии, политизация средств массовой информации, медиатизация политики, мифотворчество и мифологизация изменили традиционные для российского общества отношения государства и

¹⁶ Антонов-Овсеенко А. А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. Тверь, 2013; Балынская Н. Р. Специфика участия средств массовой информации в политическом процессе современной России: дис. ... д-ра полит. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2009; Бергер Н. В. Расследование как метод журналистской деятельности: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб.; Бережная М. А. Проблематика социальной сферы в телевизионной журналистике: актуализация позитивного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2009.; Блохин И. Н. Этножурналистика в политических процессах: ролевой анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 10.01.10. СПб., 2009; Бодрунова С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дис. ... д-ра полит. наук: 10.01.10. СПб., 2015; Волковский Н. Л. Журналистика в информационных войнах: исторические истоки и современные тенденции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2003; Дзялошинский И. М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиaprостранстве России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2013; Евдокимов В. А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта: дис. ... д-ра полит. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2007; Иваницкий В. Л. Трансформация журналистики России в условиях становления отрасли СМИ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2011; Ким М. Н. Интеграция творческих и технологических факторов в создании журналистского произведения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2001; Кравцов В. В. Инновационная журналистика и власть в современном медийном пространстве: дис.... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2012; Лозовский Б. Н. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2010; Мельник Г. С. Массовая коммуникация как фактор политического влияния: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.03. СПб., 1998; Рихтер А. Г. Свобода массовой информации в постсоветском государстве: регулирование журналистики в условиях переходного период: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 58 с. и др.

СМИ, печатных каналов в частности. Содержание указанных научных трудов демонстрирует, что в отечественной науке сформировалась традиция сопоставительных исследований особенностей практик советских и постсоветских СМИ.

Отдавая должное значительной теоретико-исследовательской работе, проделанной отечественными и зарубежными учеными в области изучения политической коммуникации, в частности политической мифологии, следует признать, что политический миф как особая форма ментальности, лежащий в основе традиционного мировоззрения, конструирующий реальность с помощью средств массовой информации, влияющий на значимости политической коммуникации, осуществляемые средствами массовой информации, оставался вне поля зрения исследователей. Состояние изученности проблемы в сочетании с ее актуальностью определяет необходимость настоящего диссертационного исследования.

Объектом диссертационного исследования являются процессы мифотворчества в отечественных печатных СМИ в ретроспективном и актуальном измерениях.

Предметом диссертационного исследования выступают содержание и способы мифотворчества и мифологизации в печатных СМИ как средства общения и управления, политического влияния, формирования политической культуры в советском и современном российском обществе.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы комплексно рассмотреть идеологические, содержательные и профессионально-методические характеристики мифотворчества в отечественной печатной прессе.

В числе **задач**, которые предопределили создание, структуру, внутреннюю логику диссертационной работы, автор считает необходимым выделить следующие:

- описать становление научного знания о мифе в социально-общественной практике;

- исследовать конкретно-исторические предпосылки мифотворчества в массовой коммуникации;
- раскрыть мифотворческий потенциал и его реализацию в советской печатной прессе довоенного периода;
- рассмотреть содержание мифотворчества в системе пропагандистского влияния печати периода Великой Отечественной войны;
- выявить содержательно-смысловую динамику политического мифотворчества и мифологизации в печати советского периода;
- показать эволюцию и трансформацию медийных ресурсов власти в современной России, влияние демократических перемен на смену мифов и символов;
- представить структурно-функциональные характеристики мифоребрендинга в периодической печати современной России.

Методология и методы исследования

В связи с междисциплинарным характером диссертационной работы в ходе исследования использовались фундаментальные принципы и подходы современных наук: филологической теории журналистики, теории массовой коммуникации, политологии; социальной философии; социальной психологии; социологии; психолингвистики. В своей работе диссертант опирался на общенаучные методы познания: анализ и синтез, абстрагирование и типизация, принципы изучения социальных явлений в рамках классической и постнеклассической научных парадигм.

Методологическая основа диссертации сформирована с опорой на труды по проблемам массовой коммуникации, анализирующие функции, содержание, средства, результаты воздействия, понимания (В. Г. Афанасьев, М. Н. Грачев, Г. Лассуэлл, У. Липпман). Политологический анализ различных аспектов политической коммуникации в контексте познания взаимоотношений государства и общества, сущности и механизмов осуществления политической власти представлен в работах К. Мангейма, Т.

Парсонса¹⁷. Институциональный подход позволил рассматривать печатные СМИ как институциональных акторов политического процесса (П. Лазарсфельд, Р. Мертон, Г. Шиллер). В числе основополагающих работ, рассматривающих социальное явление как феномен, имеющий свою логику развития, необходимо назвать труды П. Бурдьё, М. Вебера, В. Парето, исследования мифов на различных этапах политической истории России: А. Н. Савельев (Кольев), В. С. Полосин, Н. И. Шестов. Диссертант опирался на теоретические выводы, сделанные в трудах, посвященных становлению и функционированию информационного общества (Д. Белл, М. Кастельс), влиянию средств массовой информации на общественное сознание (С. Г. Кара-Мурза, Г. Г. Почепцов), политическую культуру (А. А. Грабельников, Е. П. Прохоров), социальное поведение граждан в условиях реализации национальных моделей политических преобразований общества и СМИ (И. И. Засурский).

Основу изучения мифосимволических структур и социально-конструктивистских стратегий исследований процесса политической идентификации составляет структурно-функциональный анализ. Его использование позволило выделить основные структурные компоненты политических мифов; типологический метод способствовал выявлению различных функциональных типов политических мифов; компаративный метод – определению сходства и различия политических мифов при различных формах осуществления политической власти; ретроспективный метод – выделению специфических политических мифов на различных этапах политического процесса в России. Исследование феноменов мифотворчества укладывается в концепции социальной феноменологии и метода герменевтической интерпретации текстов печатных СМИ (Р. Барт, Э. Кассирер, Д. Кэмпбелл, К. Хюбнер, М. Элиаде, К. Юнг). Анализ источников осуществлялся на основе применения принципов герменевтики

¹⁷ Мангейм Дж. Политология: методы исследования. М.: Весь мир, 1999, 544с.; Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. Проект, 2002. 877 с.

П. Рикера и Х.-Г. Гадамера, грамматологии Ж. Дерриды, что позволило автору сформулировать собственный концептуальный взгляд. Источник – публикация – рассматривается как памятник определенной эпохи, а информация, в нем содержащаяся, не исчерпывается зафиксированными фактами. При этом существенное значение имеют не только факты первого уровня («факт-событие»), но и факты второго уровня («факт-мотив», «факт-интерес»).

Эмпирическая база исследования представлена, во-первых, нормативными источниками и официальными документами. Это законы и подзаконные акты СССР, РСФСР, РФ, определяющие нормативно-правовые основания развития и функционирования средств массовой информации на различных этапах политического развития России, резолюции, решения съездов, конференций, пленумов РКП(б), ВКП(б), КПСС, отражавшие идейно-политическую основу и структурно-функциональную специфику деятельности отечественных печатных СМИ. Используются данные Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат, ранее – Госкомстат), а также иные статистические материалы. Во-вторых, обширной источниковой базой диссертационного исследования явились материалы фондов архивов, в том числе Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Ленинградского государственного архива литературы и искусства (ЛГАЛИ), Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), дальневосточных партийных архивов: Приморского края Хабаровского края, Амурской области, государственных архивов Приморского и Хабаровского краев. В-третьих, в эмпирическую базу включены периодические издания: газеты «Правда» (1917–1927 гг.), «Известия ЦИК» (1917–1927 гг.), «Беднота» (1918–1931 гг.), «Крестьянская газета» (1923–1939 гг.) и др., журналы «Вестник агитации и пропаганды» (1920–1922 гг.), «Большевик» (1924–1929 гг.), «Красная печать» (1921–1928 гг.), «Журналист» (1922–1927 гг.), «Рабоче-крестьянский корреспондент» (1924–1927 гг.), газеты более поздних периодов, а также

интернет-ресурсы российских печатных изданий, политических организаций, органов государственной власти. В-четвертых, в работе над диссертацией использованы результаты конкретно-социологических процедур: анкетный опрос, интервьюирование, проведенные при непосредственном участии автора, контент-анализ печатных периодических изданий. По результатам исследования 100 текстов периодических изданий общественно-политической направленности, опубликованных на страницах газет «Беднота», «Крестьянская газета», «Крестьянская газета для молодежи», «Крестьянская жизнь» (Амурская область), «Крестьянин и рабочий», «Крестьянская правда», «Приморский крестьянин» (Приморский край) были изучены технологии, методы и формы подачи текстов печатными крестьянскими изданиями в соответствии с поставленными задачами. При подготовке диссертации исследованы итоги экспертных интервью, проведенные автором с главными редакторами печатных изданий, ведущими журналистами общероссийских периодических изданий, со специалистами в сфере связей с общественностью, ведущими журналистами российских и дальневосточных газет. Данные о способах и методах влияния властных и политических структур на трансформирование содержательной компоненты СМИ были получены в ходе наблюдений автора, имеющего опыт практической работы в газетах «Комсомольская правда», «Известия», «Российская газета», «Независимая газета», а также в PR-командах, в пуле губернатора Приморского края, в пресс-службе администрации Владивостока.

В-пятых, в диссертационной работе были использованы опубликованные в открытой печати данные социологических опросов, материалы социологических мониторингов социально-политической ситуации, вторичная социологическая информация (ВЦИОМ) об отношении населения к СМИ как социальному институту. В соответствии с целью и задачами исследования для сбора эмпирического материала был разработан инструментарий, включающий в себя такие методы социологического

исследования, как проведение экспертного опроса на тему: «Политическое мифотворчество печатных СМИ».

В-шестых, введены в научный оборот материалы, полученные в ходе реализации гранта «Института Открытое Общество. Фонд Содействия»: конкурса «Издание учебной литературы для журналистов», проводившегося в рамках благотворительной программы «Поддержка российских СМИ» (грантовый сертификат: #JAT 107) – монография «Делаем новости». Журналистские тексты практической части монографии были написаны автором, прошли апробирование на страницах газет «Комсомольская правда», «Известия», «Российская газета».

Положения, выносимые на защиту

1. Миф является базовым средством символизации реальности посредством СМИ. Милленаристский миф советского общества сопровождал сакрализацию 1000-летнего периода времени. Он соответствовал логическим законам коммунистического и капиталистического мышления, содержал внутри себя два направления: демиургическое и трикстерское. Демиургическая составная советской мифологии характерна для периода строительства, расцвета и частичного пересмотра милленаристского советского мифа (1917–1991 годы). Трикстерская составная – переориентация милленаристского советского мифа под требования милленаристского капитализма (с 1991 по 2000 год).

2. Массовые коммуникации выступали средством модификации социального поведения индивидов в обществе, корректировки их ценностно-нормативной сферы. Внедрение информационными каналами мифологии шло по двум направлениям: медиациентрированном, информационном воздействии на получателей информации и формировании псевдосознания, и антропоцентрированном, то есть ориентации на вкусы и предпочтения аудитории, влияющей на многократно усиливающийся «кумулятивный» характер сообщений, их концентрации в заданном направлении. В условиях трансформации и усложнения коммуникативного пространства политики,

развития информационных технологий мифотворчество и мифологизация приобретают особое значение для конструирования политической реальности через каналы прессы.

3. Устойчивость в теории советской пропаганды мифологемы «партийное руководство» обеспечивалось реалиями политического процесса, характерного для программ партий, идущих во власть, потерявших власть и снова стремящихся к ней.

4. Распространяемое печатной прессой мифотворчество способствовало укреплению власти, а процесс создания мифов совмещал в себе два взгляда: диахронический аспект (из прошлого или в прошлое) и синхронический аспект (средство объяснения настоящего).

5. Печатная пресса периода «застоя» делала ставки на мифы, далекие от реальной действительности, человеческих ценностей. Политический процесс совершался в двух измерениях – реальном и мифологическом, активность мифотворчества была выше интенсивности зримых перемен.

6. Современная печатная пресса транслирует бриколаж мифического творчества, состоящего из «осколков» прошедших идеологий советской и российской государственности.

7. Печатная пресса, представляя новейшие мифы, обладает повышенным дестабилизирующим воздействием на ход социальной жизни. Мифологический подъем, порожденный ситуацией социальной трансформации, напряженности и нестабильности, не может поддерживать рациональную организацию общества только за счет внутренних ресурсов.

8. Политизация массмедиа, медиатизация политики, мифорейтинг, инновационные процессы – основные направления функционирования печатной прессы современной России.

Научная новизна исследования

Новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые в отечественной журналистике осуществлен комплексный анализ печатной прессы, транслятора мифотворчества, активного элемента

функционирования, структурообразующего компонента современной символической политики, в единстве их функциональных и процессуальных измерений. Научная новизна диссертации подтверждается полученными в ходе исследования результатами, выявляющими личный вклад автора в области теоретических знаний:

- выявлена предметная область исследований печатной прессы, перспективы сближения, слияния признаков и элементов независимых друг от друга явлений междисциплинарных стратегий изучения их мифических составных;

- доказано, что милленаристский миф тысячелетия, его демиургическая и трикстерская составные, представляемые прессой, заканчивают свое существование, старая политическая парадигма разрушена;

- мифологизация и мифотворчество обозначены как структурные элементы средств массовой информации, ресурс символического производства и поддержания законности государственной власти;

- проанализирована тематическая прагматика мифотворчества печатной прессы: определены содержательные блоки, в рамках которых была запрещена любая реинтерпретация;

- исследован советский миф, иррациональный в своей рациональности, проецирующийся на любой событийный ряд, выступающий логическим доводом, дискурсом медийного социального проекта;

- выделен малоизученный аспект параметров динамики печатной прессы довоенного периода СССР, природа которых была связана с мобилизационным типом политической культуры большинства граждан, усилением мифотворчества;

- определены процессуальные составные транслирования мифического творчества печатной прессой, состоящего из «осколков» прошедших идеологий советской и российской государственности;

- установлено, что в постсоветскую эпоху фактически произошла подмена идеологии мифом, эклектичное и противоречивое мифотворчество и

мифологизация способствовали повышению внушаемости масс и облегчили манипулирование ими со стороны СМИ и властных элит;

- введены в научный оборот структурно-функциональные характеристики мифорейтинга, инноваций в медийном пространстве современной России.

Таким образом, диссертацию можно отнести к разряду инновационных разработок в современной науке о журналистике и средствах массовой информации.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке комплексного подхода к исследованию мифотворчества, транслируемого печатной прессой, влияющего на конструирование социально-политической реальности в аспекте легитимации, репрезентации власти.

Развиты и модернизированы теоретические подходы к анализу печатной прессы, транслятора мифотворчества советского периода: когнитивные конструкции, транслируемые печатной прессой, выступали в виде мифологизированных концепций социальной правды; процессуальные параметры динамики печати довоенного периода были связаны с мобилизационным типом политической культуры большинства граждан.

Выявлены закономерности и тенденции социального мифотворчества и мифологизация постсоветского периода: новейший миф, имитирующий прозрение, остается упрощенной копией предшествующих мифов.

Осуществлено концептуальное осмысление места и роли печатной прессы в процессе политического мифотворчества, как существенного свойства ее функционирования, что позволяет совершенствовать политические технологии, обеспечивать информационную безопасность.

Обоснованы и введены в научный оборот имеющиеся теоретические положения относительно современных тенденций мифорейтинга и инноваций в медийном пространстве современной России, позволяющие и способствующие практическому освоению новых форм и методов подачи новостных материалов.

Практическое значение исследования

Диссертационное исследование открывает новое направление в изучении политической журналистики, дает журналистам-практикам инструментарий для оптимизации отношений с аудиторией. Структурно-функциональный анализ позволил выделить основные структурные компоненты печатных СМИ, трансляторов политических мифов; типологический метод способствовал выявлению различных функциональных типов печатной прессы; компаративный метод – определению сходства и различия возможностей СМИ в трансляции политических мифов при различных формах осуществления политической власти; ретроспективный метод – исследованию печатной прессы, ее мифической составляющей на различных этапах политического процесса в России. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности СМИ, институтов гражданского общества, применены образовательными учреждениями высшего и дополнительного профессионального образования в преподавании дисциплин «Современная российская политика», «Сравнительная политология», «Журналистика», «Политические коммуникации в публичном пространстве России», «СМИ в политической жизни России», PR.

Апробация результатов исследования: Результаты исследования представлены в докладах и сообщениях на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, в том числе: VIII международная научно-практическая конференция. Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. Екатеринбург, 2015; Международная научно-практическая конференция. Уфа, 2014; Советские и постсоветские теории СМИ: содержание и тенденции развития. XVII международная конференция, посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук. М., 2014; Вторая международная научно-практическая конференция. Теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире. Уфа, 2013; Шестой Всероссийский конгресс

политологов. Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия. М., 2012; Журналистика в 2012 г. Ежегодная Всероссийская научная конференция. М., 2013; СМИ: возрождение тоталитарного мифа. Шестой Всероссийский конгресс политологов. Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия. М., 2012; Всероссийская научно-практическая конференция «Борьба с терроризмом: идеология проблемы». Армавир, 2011; V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». М., 2009; Юбилейная конференция: сб. трудов профессорско-преподавательского состава ИМТиГа. Владивосток, 2010 и др. Статьи по материалам докладов зарегистрированы в DOI, имеют регистрацию РИНЦ. Основные результаты диссертационного исследования изложены в 54 публикациях общим объемом 90 п. л., из них 4 монографии, 20 статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Монография «Делаем новости» (грантовый сертификат: #JAT 107) выдержала два издания общим тиражом 15 тыс. экз., число цитирования в РИНЦ – 45; цитируемость по направлению – 6,3; книги «Я – пресс-секретарь», «Имидж по-русски» отмечены дипломами «Белое крыло», Уральская премия за достижения в сфере связей с общественностью; статья «Меню репортера: на первое инфотейнмент, а на десерт – диатриба», опубликованная в общероссийском интернет-издании «Журналист», стала лауреатом премии «Золотой гонг», книга «PR в ресторанно-туристском бизнесе» удостоена диплома лауреата в международном конкурсе «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере 2014» (№ ЛК 001 от 01. 10. 2014); практические рекомендации соискателя, предложенные в рамках Всероссийского конкурса «Лучшая научная статья-2014» в номинации «Политические науки», были отмечены дипломом лауреата (Концепт. 2014. № 03 (март). ART14063. –URL: <http://e-koncert.ru/2014/14063.htm>. Гос. рег. Эл. № ФС 77-49965.ISSN 2304-120X).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.10.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих 11 параграфов, заключения, библиографического списка и приложений. Количество страниц основного текста – 425; количество источников использованной литературы – 457.

Диссертация и автореферат оформлены в соответствии с СТО СГГА 012-2011.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении автор дает общую характеристику исследования: обосновывает актуальность темы, степень научной разработанности проблемы, определяет объект, предмет исследования, обозначает цели и задачи, аргументирует научную новизну, теоретическую и практическую значимость работы, описывает теоретическую базу, методологию и основные методы исследования, формулирует положения, выносимые на защиту, приводит сведения об апробации и структуре работы.

В первой главе диссертации «Мифотворчество: освоение и истолкование реальности в процессе функционирования печатной прессы» рассматриваются основные подходы к исследованию феномена мифа в общественной практике; исследуются структурно-функциональные характеристики коммуникационных каналов, печатных СМИ как базовых средств символизации политической реальности; описываются теоретические концепции советских СМИ, каналов внедрения мифотворчества, значимых средств политической власти.

В первом параграфе первой главы **«Миф: форма, содержание, статус в социальной практике»** миф исследуется с позиций психологических и нейрофизиологических основ существования структур мифологического

опыта, представлений об особенностях первобытного мышления, его социальных функций, вариантов социального лидерства, как неотъемлемой стороны духовного самоопределения личности, выражения экзистенциальной природы лидерства, художественно-эстетических особенностей и символического характера нарративных структур, изложения взаимосвязанных событий, репрезентированных в художественных текстах.

Автор доказывает, что в советском обществе (1917–1991 гг.) господствовал милленаристский миф, сопровождающий любую сакрализацию 1000-летнего периода времени. Милленаристский советский миф через каналы СМИ интегрировался в контекст национального историко-политического процесса. Милленаристский советский миф соответствовал логическим законам коммунистического и капиталистического мышления, содержал внутри себя два направления политической мифологии: демиургическое и трикстерское. Демиургическая составная советской мифологии милленаристского коммунизма характерна для периода строительства, расцвета и частичного пересмотра милленаристского советского мифа (1917–1991 годы). Трикстерская составная – переориентация демиургического советского мифа под требования милленаристского капитализма (с 1991 по 2000 годы). Мифологизация реальности через медийные каналы являлась элементом политики, выражалась в идеологизации / мифологизации действительности, сакрализации вождей, героизации событий и деяний отдельных исторических лиц, обращалась к низменным инстинктам и психологии масс. СМИ – великие манипуляторы, мифотворческая природа которых с разной степенью проявляется при любых политических режимах, они создавали заданную реальность, конструировали и воспроизводили ее. Подобно любому другому мифу, медийный миф выступал не столько инструментом манипуляции, сколько «несущей конструкцией», задающей параметры отграничения «своего пространства» от «чужого», что на языке политического процесса отличает друга от врага. Делается вывод, что новое тысячелетие транслирует

бриколаж мифического творчества, состоящего из «осколков» прошедших идеологий советской и российской государственности.

Во втором параграфе первой главы **«Трансляционные возможности массовых коммуникаций – каналов внедрения мифов»** описываются теоретические подходы к осмыслению феномена массовых коммуникаций. Осуществлена попытка обобщения зарубежного исследовательского опыта, представленного трудами, в которых содержатся теоретические обоснования моделей, структуры и функций коммуникативного процесса, статус коммуникантов в политике. Это труды Н. Винера, Дж. Клаппера, Э. Ноэль-Нойман, Дж. Цаллера, Г. Лассуэлла, С. Ленарта, М. Харрона и У. Миллера, Ф. Сиберта, Т. Питерсона и У. Шрамма, Д. Маккуйэла, О. Тоффлера, Р. Ж. Шварценберга и др. Массовые коммуникации строятся на внедрении в сознание людей ценностей в виде системы стереотипов – стандартов поведения, социальных мифов, политических иллюзий (У. Липпман); возможности идеологического подчинения масс при помощи мифотворчества и мифологизации (Г. Шиллер); посредством массовых коммуникаций, трансляторов мифосимволики, осуществляется власть над массой, которая предстает в качестве разряженной атмосферы (Ж. Бодрийяр) и др.

Автор подчеркивает, что речь может идти о двух парадигмах внедрения массовыми коммуникациями политической мифологии: – медиацентрированной и антропоцентрированной. Медиацентрированная парадигма представляет собой направление монологического субъектно-объектного взаимодействия, в которой основное внимание уделяется проблеме информационного воздействия массовых коммуникаций на аудиторию и формирование ложного сознания. Цель антропоцентрированной парадигмы – выявление и описание механизма преобразования человеком природных и социальных предпосылок, культурных и духовных условий в средствах своего развития и саморазвития, манипулятивных стратегий и технологий влияния на сознание и поведение потребителя, ориентация

массовых коммуникации на вкусы и предпочтения и потребности аудитории в процессе использования ею средств массовой коммуникации. Современные массовые коммуникации, трансляторы мифотворчества, являются мощным средством модификации социального поведения индивидов, общества, корректировки их ценностно-нормативной сферы. Можно утверждать, что это влияние носит многократно усиливающийся «кумулятивный» характер, так как воздействие сообщений массовых коммуникаций велико, они обладают устойчивостью, долговременностью, многоканальностью.

В третьем параграфе первой главы **«Мифологема «партийное руководство» – основа теории советской прессы»** автор исследует теоретические подходы к изучению марксистско-ленинской теории советской журналистики, канонизировавшей положение о том, что подлинно объективную картину действительности, служащую для верной социальной ориентации масс, может дать пресса, стоящая на позициях коммунистической партийности. Анализируются возможности механизма реализации этой задачи, конструктом которой выступала мифологема «партийное руководство». За счет постоянного партийного контроля были достигнуты беспрецедентная для истории прессы управляемость и охват населения страны. Для ее воспроизводства уже было недостаточно простой агитации, апеллирующей к чувствам советских людей, необходимостью стала пропаганда принципа партийного руководства, его логического обоснования примерами исторического прошлого и настоящей общественно-политической жизни. Директивное воздействие на прессу объяснялось не только прямым подчинением СМИ партийным комитетам, но и особой организационной структурой пролетарской журналистики. В конце 90-х годов, когда сформировался новый исследовательский пласт журналистики, на смену мифологеме «партийное руководство» пришли более обоснованные методологии и отработанные методики беспристрастного анализа.

Во второй главе диссертации **«Политический миф – доминанта печатных СМИ советского общества (1917–1941 гг.)»** рассматриваются

мифотворческий и информационный потенциал печатной прессы довоенного периода, систематизируются формы и методы деятельности печатной прессы в контексте экстремальной ситуации, особенности транслирования мифов вождизма.

В первом параграфе второй главы **«Мифотворческий и информационный потенциал печатной прессы: анализ советских практик»** автор показывает, что мифотворчество, распространяемое прессой, способствовало укреплению власти, а процесс создания мифов совмещал в себе два взгляда: диахронический аспект (из прошлого или в прошлое) и синхронический аспект (средство объяснения настоящего). В мифах, представляемых печатью, все было перевернутым: пространство и время, визуальное и вербальное пространство, категории сознания. Идеологическое воздействие на общественное сознание, превратное толкованием фактов, способы и содержание латентного влияния предопределяли содержание, квинтэссенцию миллениаристского советского мифа и его демиургической составляющей.

Процесс перестройки мышления требовал и формировал специфические особенности предмета отражения, передаваемого прессой, – создание портрета массы, передачи коллективного настроения, коллективных поступков, показа техники, рассказов о технологии. Пролетарская пресса на невиданные высоты подняла архетип близнецов, пролетарских демиургов, стоящих у начала мира. Первая пара близнецов – Маркс и Энгельс, далее – Ленин и Сталин Их мифообразы, скрепы демиургической составляющей миллениаристского мифа, являлись непререкаемой догмой советской политической системы. Она реализовывала себя в двух плоскостях: визуальной и вербальной. По мнению автора, увеличение знакового пространства можно рассматривать как проявление символов мощи и власти. Вербальное пространство являло собой строго обозначенное системное поле. Семиотические структуры формировали погруженного в них человека, маркировали его позицию в социуме. Советский миф был иррациональным в

своей рациональности; он объяснял то, чего не было в действительности; восстанавливал необходимую для него социальную картину, разрушенную во время революционных действий; пытался структурировать действительность, когда эту картину восстановить было невозможно; проецировался на любой событийный ряд и становился дискурсом национального советского проекта. Печатная пресса активно вводила в оборот мифологические модели: мифостатистику, инициации, миф героя и антигероя, жертвы и жертвенности, архетипы близнецов, хорошего / плохого пространства и т.д.

В политическом процессе советского общества в равной степени были представлены вербальная (нарративная) и ритуальная формы презентаций мифов, ограничивая целостное восприятие образов аудиторией прессы. В печатных текстах базисно отсутствовал фактор индивидуальности, они выступали как составная часть психологического кодирования общества («Кто духом бодр и сердцем молод – в руки книгу, серп и молот!»), индивидуальные качества растворялись в равенстве элементов, единообразии, повторе, препятствующих рождению нового. Пресса преподносила идеальные морально-поведенческие координаты: добрый позитивный правитель (Ленин и Сталин); позитивный взрослый (член партии); позитивная женщина (мать-героиня, женщина-труженица); местный святой (председатель колхоза, профорг); позитивный юноша (комсомолец); позитивные дети (пионеры); погубленный ребенок (Павлик Морозов); пророки и предтечи (Лев Толстой как зеркало русской революции, вольнолюбивый Пушкин, мятущийся Лермонтов); обязательная фигура-жертва (Бухарин, Каменев, Тухачевский, Блюхер); носитель пролетарской правды (Максим Горький); коммунистическая триада (Маркс, Энгельс, Ленин).

Во втором параграфе второй главы **«Печатная пресса: интеграция мифотворчества в контексте экстремальной ситуации»** автор осуществляет анализ печатной прессы Великой Отечественной войны. Ее деятельность строилась на фундаменте национальной идентичности во всех

ее видах, политическом, мифологическом, культурном. Политическое мифотворчество, передаваемое печатной прессой, являло собой могучий резерв консолидации общества. Оно усиливается в массовом сознании в периоды социальных катаклизмов, экстремальных ситуаций, вызывающих к жизни новые комбинации этнических субстанций, преображая их в новые суперэтнические системы.

Мифотворчество плотно входило в тексты, представляемые прессой, оно становилось значимым звеном для патриотического воспитания общества, соединяло интеллектуальную системную информацию с несвязанной информацией сферы бессознательного. Мифы, представленные в текстах, перестраивали модель человеческого поведения, процессы мифотворчества и мифологизации кодифицировали мысли людей, укрепляли мораль, предлагали определенные правила поведения и санкционировали обряды, рационализировали и оправдывали жесткие социальные установки. Мифическая логика достигала своих целей как бы ненароком, окольными путями, с помощью материалов, к этому специально не предназначенных, способом бриколажа, оттенка, рикошета в человеческое сознание. В функционально-предметном развитии печатной прессы определяющее значение имело представление о мотивах борьбы. Здесь в ином качестве работала энергетика мифа. Аксиоматика героизма и жертвенности в условиях войны стала ведущей координатой идеологического влияния.

В третьем параграфе второй главы **«Транслирование мифов вождизма в прессе: вербальная модель и реальность»** показан конструктивистский потенциал мифов вождизма, их способность создавать групповую и коллективную идентичность, посредством каналов СМИ видоизменять мифические параметры памяти. Мифы вождизма в советской прессе реализовывались по христианским канонам, в визуальном и вербальном пространстве обязательно присутствовала мифологема Солнца («ленинская / сталинская правда светлее солнца»). Стандартные изображения В. И. Ленина, И. В. Сталина с детьми на фотографиях и картинах копировали

модель Мадонны с младенцем; В. И. Ленина, И. В. Сталина с соратниками – Христа среди апостолов; В. И. Ленина, И. В. Сталина среди рабочих – Христа среди людей. Советская пресса, представляя мифы вождизма, опирались на систему координат «герой – антигерой». Вчерашние герои становились героями показательных судов, карательные меры были жестки и категоричны, репортажи из залов суда занимали первые полосы всех центральных и местных изданий. Тенденция в прославлении воли, величия вождей в прессе прослеживалась в военные и послевоенные годы. Мифические качества вождей продолжают оставаться стержнем, на основе которых строилась печатная пропаганда. После смерти вождей мифологическая космогония не сдает свои позиции. Работа по трансформации и приостановке гигантского мифологического проекта вождизма, тормозящего развитие страны, по сути, никогда не велась. Проект продолжает работать, он воспроизводит в массовом идеологическом сознании мифы, легко приспособивая их к вызовам и стилистике реальности, продолжая возрождать мифы вождизма. У российских медиа нет осознанных, системных попыток сформировать у общества чувство неприятия, морального осуждения тоталитарных мифологических героев.

В третьей главе «Динамика мифотворчества в политико-идеологическом контексте» автор определяет особенности политического мифотворчества в средствах массовой информации периода «застоя», трансформацию мифологической компоненты политической коммуникации в печатной прессе, трансляторов политического мифа периода «перестройки».

В первом параграфе третьей главы **«Новая советская мифология в послевоенной прессе (1950–1980-е годы)»** автор осуществляет анализ причин значимости мифотворчества, усиленного печатной прессой, в меняющейся исторической обстановке. Миф, не оправившись после «культа», внутренне перестраивался, приспособивался к изменившейся ситуации. Идеологические метаморфозы периода «застоя» заключались в том, что советская система утрачивала символично-мифическую

привлекательность. Мифотворчество и мифологизация, оставаясь на уровне смыслового и интерпретационного контекста, представляли собой транслируемое информационными каналами коллективное знание, которое обеспечивало совмещение когнитивных, познавательных горизонтов индивида, членов группы, а иногда и социума в целом. Политическая идея, вызывавшая к жизни политическую мифологию, создавала символическое пространство, в котором реализовались необходимые для общества установки.

По мнению автора, мифы, транслируемые прессой, обладали противоречивыми свойствами, так как по своей структурно-функциональной предназначенности в обществе они были многофункциональны. Сложившаяся ситуация способствовала тому, что прессой в активный оборот вводится миф о сотворении мира, с некоторым «приземлением» идеалов. Формула «Мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем» меняется на прагматическую потребительскую категорию «Догнать и перегнать Америку» и т. п. Ведущее место по значимости занимал миф «светлое будущее», основой которого служил тезис: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Подобный оракульно-оптимистический настрой должен был служить эмоциональным противовесом разоблаченному мифу вождизма. Политическое влияние прессы на массовое сознание граждан исследуемого периода было малоэффективным. Для разрядки ситуации, общественного напряжения в обществе необходимы были праздники. Уровень поддержки праздников зависит от того, насколько государство готово придавать им значимость и символический характер. Советская пресса была активно задействована в подготовке и трансляции: 40-летнего, 50-летнего, 60-летнего юбилеев Октябрьской революции, образования СССР, 20-летия, 30-летия, 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В период «застоя» широкие масштабы приобрел транслируемый прессой миф «героя»: галерея Героев Советского Союза дополнялась

Героями Социалистического Труда. Он создавал в обществе особый психологический климат, позволявший до некоторой степени компенсировать очевидный дисбаланс между масштабностью идеологических целей и ограниченностью у государства и социума ресурсов их достижения. Процесс актуализации мифов шел посредством демифологизации героев прежних десятилетий, на политическом Олимпе был уничтожен мифы «близнецов» (пара Ленин и Сталин), других революционных вождей.

Во втором параграфе третьей главы **«Трансформация политического мифа в период «перестройки» (1986–1991 гг.)** автор исследует прессу периода «перестройки», которая маркировалась приходом к власти новой пары вождей – демиургов, вождей – «близнецов»: «Ю. В. Андропов – М. С. Горбачев». Мифологическая составляющая времени правления Ю. В. Андропова, представляемая печатью, была обозначена мифологемой «врага», с уточнением – «профилактированного врага» (диссидентов). Автор показывает, что сложившаяся политическая ситуация способствовала усилению тяги людей к архаике и архаическим элементам в обществе, сохранившимся или превращенным. До конца 80-х гг. печатная пресса оставалась органической структурой однопартийной политической системы. Она предлагали обществу не только информацию, но идеи и мировоззрение, образы социальных взаимодействий и институтов, которые, будучи ежедневно озвучиваемыми, во многом определяли, что является нормальным, а что девиантным.

Особенности мифотворчества и мифологизации состояли в том, что они, в отличие от предшествующих мифов, которые объективно складывались в процессе жизнедеятельности человечества, создавались и конструировались искусственно, специально поддерживались и распространялись. В исследуемый период миф возрождался не как система мирообъяснения, а как мозаичный метод мышления, который более связан с разрушительной, чем с созидательной функцией. Неоднократно

повторенный, он становился носителем собственной истины, не поддающейся рациональному объяснению. Общественное сознание общества периода «перестройки» активно демифологизировалось. Демифологизация была поставлена на службу идеологии тоталитарных режимов (миф «золотого века», превращенный в идею коммунизма, мифологизация фигур вождей и т. д.).

В процессе «перестройки» в текстах, представляемых прессой, отчетливо проявилось противостояние между сторонниками и противниками проводимых в России реформ. Газетные дискуссии развернулись вокруг принципиального вопроса: строить ли обновленный социализм на рыночной основе или рынок неизбежно приведет к капитализму как способу производства. В действие вступали законы демифологизации, «развенчание власти мифа», «освобождение от мифического плена». Новые мифы внедрялись через **шок**, который позволял отменить действие предыдущих мифов. Главный перестроечный миф – миф «вождя» Горбачева, коммуниста-реформатора, которого на Западе считают «отцом российской демократии», а на родине ругают за развал Советского Союза.

В четвертой главе «Медиа как институциональный актор формирования мифического (1990-е годы)» автор исследует идеологические реконструкции и мифологическую десакрализацию, новейшие мифологические интерпретации, мифорейтинг, инновации в медийном пространстве России.

В первом параграфе четвертой главы **«Мифологемы в печатной прессе: от идеологической реконструкции до мифологической десакрализации»** автор показывает, что номенклатурная революция 1991 г. знаменовала собой крах авторитарно-бюрократической системы и распад СССР. Во время ельцинской «бескровной революции» смены «держав» не произошло, принципиально другой идеологии выработано не было. Б. Н. Ельцин, находясь в пределах старого миллениаристского мифа, не испытывал потребности в поиске мифоосновы для идеологии, он просто

придал старому мифу новый вид, оказавшись на короткое время «творцом», ремейкером-трикстером политического бриколажа.

Политические мифы рождались, умирали, но ни один из них не получил логического оформления, не вырос в целостную мифологию. Рождение мифологем «свобода слова», «гласность» было следствием принятого в октябре 1991 года закона «О средствах массовой информации». Пресса активно внедряла в сознание граждан образ демократического вождя, сопровождая уточнением «Ельцин – это свобода слова». Миф «свобода прессы» был вытеснен мифом «олигархическая медиакратия». Внедрение идеологии демократического общественного устройства требовало опоры на сакральное мышление. Механизмы сакрализации были направлены на упрочение действующей политической структуры. Новые мифы несли в себе латентные смыслы, которые зависели от политического момента. Мифотворчество, представляемое прессой, декларировало свободу создания свободного общества свободных людей, а содержание каждый раз конкретизировалось в зависимости от тех социальных условий, в которых оно использовалось, учитывая то, что идеологические представления коренятся в глубинах человеческого подсознания.

Печатная пресса воспринимались как территория личностей: Е. Яковлев, В. Коротич, В. Третьяков и др. Их образы внедрялись в сознание масс как сложное и многомерное порождение их индивидуальной психики и творчества. Так зарождался миф «о свободном журналисте». Таким образом, факты свидетельствуют не о становлении нового государства, новой прессы, не об их рождении заново после коммунистического прошлого, а о метаморфозе и вступлении той «державы», которая рождалась в 1917 году, в стадию деградации и медленного разложения.

Постперестроечная власть явилась прямой преемницей социалистической государственности, сакральные элементы в современной России существуют и поныне, структурируют существующее политическое пространство. Получатели сообщений превращаются в толпу, они могут

лишь пассивно воспринимать сигналы от «коммуникатора-суггестора». Манипуляторы сознанием делали немало для достижения своих целей, так как располагали различными средствами, получаемыми из корпоративных и правительственных бюджетов. Но они не смогли предотвратить рост понимания истинной сути существующей системы, так как манипулирование несовместимо с диалогом и общественными дебатами.

Во втором параграфе четвертой главы **«Современные медиа: новейшие мифологические интерпретации»** автор показывает, что новая власть оказалась немощной в плане «мифологизирования» государственности, которой она никогда не занималась, в отличие от советского времени, когда за идеологическую составляющую общественной жизни отвечала компартия. Обновленные мифологические интерпретации выступали как одно из средств «подтягивания» образа реальности до желаемого уровня, позитивного или негативного. В итоге в обществе использование функциональных особенностей мифотворчества имело деструктивные последствия для духовной культуры российского социума. Несмотря на кажущиеся радикальные перемены, которые потрясли страну в 90-е годы, общество продолжает жить в старых идеологических установках и координатах. Изменились некоторые элементы экономики, общественные предпочтения и моральные ценности, но мифосоставляющая государственности новой России осталась прежней.

Медиа всех уровней настойчиво и целенаправленно убеждали российских граждан в бесперспективности идеологии пролетариата, в обиход вошли и заняли ведущее место «потребительские» мифы, упрощающие реальность, нивелирующие противоречия, уводящие от действительных проблем. Современная политическая ритуальность автоматически копировала зарубежные образцы, национальную архаику. Не фундаментальные принципы технологии мифотворчества, а технологические нюансы составляют главный объект приложения усилий в практике

мифотворчества различных политических сил, воздействующих на современный политический процесс.

Новейшие мифы, выполняя определенные функции в коммуникационном пространстве, видоизменялись, по законам «антимифа» низводились до уровня «черно-белого упрощения», формировались в пылу борьбы со старыми догмами, некорректно, с помощью фальсификаций. Для практического и универсального применения схемы, объясняющей воздействие мифа на массовое сознание и деятельность политических институтов, существовало одно препятствие: исследователь, превративший ее в инструмент политического анализа, должен быть априорно согласен с тем, что техника мифотворчества принципиально одинакова и в тоталитарных обществах, и в демократических, несмотря на то, что политический процесс развивается по различному сценарию.

Такой подход реален, но при условии, что социально-политический миф рассматривается как явление надисторическое, допускающее разнообразие форм, при отсутствии интереса к исторической фактуре. Предлагая человеку заданную картину мира, мифосимволика формировала искаженное представление об окружающей реальности, давала негативные представления о добре и зле и др. Соответственно, новые мифические образы способствовали негативному поведению человека, нигилистическому мышлению, так как не соответствовали реалиям жизни социума. Искусственно создаваемое мифотворчество реально влияло на функционирующее сознание, которое никогда полностью не может быть избавлено от мифологических по происхождению образований. Но если в свое время мифология уступала ведущую роль ряду специализированных форм общественного сознания, то на рубеже третьего тысячелетия происходит ее возрождение, но уже не как системы мирообъяснения, а как своеобразного метода мышления, который связан больше с разрушительной, чем с созидательной функцией.

В третьем параграфе четвертой главы **«Мифоребрендинг в медийном пространстве современной России»** автор исследует феномен активного мифоребрендинга в прессе, смену бренда мифа политического героя, политических партий. Перед брендом ставились амбициозные задачи, в которые входили: дифференциация бренда (усиление его уникальности); усиление бренда (рост лояльности потребителей); увеличение целевой аудитории бренда (привлечение новых потребителей). Удачно проведенный ребрендинг выводил устаревший бренд мифа на новый уровень развития, помогал ему эволюционировать, делал его привлекательным для внимания общественности, повышал лояльность к нему. Миф получает новые силы, обретает новые качества, становится более привлекательным для общества.

Один из первых мифоребрендингов произошел в Древнем Риме и был связан с переименованием древнегреческих богов. Римляне взяли «систему богов» Греции, переделали ее, сделали ее более понятной для простых римлян, осовременили. Нащупать новый стиль коммуникации, ребрендить миф – задача непростая, решаемая путем многочисленных проб и ошибок множества конкретных людей. Это обновление невозможно без обновления персоналий, а это самое слабое место в политике современной России, имеющей в мире репутацию одного из коррумпированных государств. В транслируемом мифологическом пространстве происходит ребрендинг мифа политического героя, усиливается конструктивная роль стратегического моделирования его мифообраза. Это позволяет понять природу социальных мотиваций групп, определяющих судьбу России.

С точки зрения системного, комплексного подхода к развитию и внедрению мифоребрендинга в диссертации исследованы инновационные точки его опоры: изменяемые, упраздняемые, выявляемые, обращенные к прошлому. В СМИ они не появляются спонтанно, они возникают в результате углубленного предварительного анализа исторических и теоретических оснований, содержащихся в теории прессы, массовых

коммуникаций и транслируемого мифотворчества. Система ценностей, вокруг которых строится бренд героя, уже заложена в менталитете новой генерации российских граждан, задача состоит лишь в том, чтобы прочитать то, что записано в их социально-культурном коде. Если цель мифоребрендинга – закрепление в сознании масс ощущения истинности, правомочности брендов новых политических мифов, то главной особенностью инноваций в медийном пространстве является внедрение в них нового, ранее неизвестного содержания.

В **Заключении** приводятся основные результаты исследования, аккумулирующие положения, представленные в главах и параграфах диссертационной работы, а также намечаются перспективы разработки исследований в области СМИ.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 54 публикациях соискателя общим объемом 90 п. л.:

Публикации в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Васильева, Л.А. Информационная сущность политической коммуникации: теоретико-методологические подходы исследования СМИ, пространстве / Л. А. Васильева // Глобальный научный потенциал. 2016. № 6. С. 24–29.
2. Васильева, Л. А. Вербальные технологии манипуляции общественным сознанием в современном информационном пространстве / Л. А. Васильева, С. М. Соболева // Глобальный научный потенциал. 2015. № 10. С. 198–204.
3. Васильева, Л. А. Координация и взаимодействие СМИ в современном политическом дискурсе // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура. 2015. № 9. 3(69). С. 896–902 (0,75 п.л.)
4. Васильева, Л. А. Методы вербального воздействия и мифотворчество в политическом дискурсе в современных медиа / Л. А. Васильева, С. М. Соболева, А. А. Иванова // Перспективы науки. СПб. 2015. № 10. С. 241–247 (0,75 п. л.).
5. Васильева, Л. А. Медиа: экстремальная ситуация, создание и транслирование образа врага // Глобальный научный потенциал. СПб. 2015. № 1. С. 126–130. DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2015-1718.

6. Васильева, Л. А. СМИ периода «застоя»: особенности политического мифотворчества // Регионология. 2014. № 3. С. 190–197. (0,5 п. л.). DOI индекс http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2014-1719.
7. Васильева, Л. А. Мифообраз современного политического героя в медийном пространстве: статус, социальная роль // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10. С. 168–171 (0,5 п. л.). DOI индекс http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2013-1720.
8. Васильева, Л. А. Конструирование советского мифа вождизма и его транслирование каналами СМИ // Регионология. 2013. № 4. С. 41–46 (0,5 п. л.) DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2013-1721.
9. Васильева, Л. А. Основные черты политических кампаний периода Великой Отечественной войны // Глобальный научный потенциал, 2013. № 11. С. 168–171 (0,5 п. л.). DOI индекс http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2013-1722.
10. Васильева, Л. А. Ролевые функции СМИ в процессе политической мифологизации» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3(15). С. 61–66 (0, 5 п. л.). DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2011-1723.
11. Васильева, Л. А. Медиа: отражение процесса ретрансляции криминальной символики на Дальнем Востоке // Регионология. 2011. № 3. С. 269–278 (0,5 п. л.). DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2011-1724
12. Васильева, Л. А. Политические мифы тоталитарного общества // Россия и АТР. 2009. № 2. С. 148–158 (0,5 п. л.). DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2009-1725.
13. Бляхер, Л. Е. Дальний Восток России в режиме консервации: между «глобальной экономикой» и «государственной опекой» / Л. Е. Бляхер, Л. А. Васильева // Полития. 2009. № 2. С. 60–71 (1 п. л.). DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2009-1726.
14. Васильева, Л. А. Усиление мифологической составляющей в медийных каналах периода Великой Отечественной войны // Вестник ТОГУ. 2009. № 3 (14). С. 259–267 (0,5 п. л.). DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2009-1727.
15. Васильева, Л. А. Ретрансляция процессов мифологизации и демифологизации политических акторов медийными каналами // Право и политика. 2008. № 10. С. 2450–2459 (0,5 п. л.).
16. Васильева, Л. А. Влияние иррациональных основ тоталитарной политической власти на медийные каналы // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 73–82 (0,5 п. л.). DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2008-1729.
17. Васильева, Л. А. Демократический политический консенсус и эффективный политический процесс – первая фаза перемен в российском обществе // Регионология. 2008. № 4. С. 97–103 (0,5 п. л.).

18. Васильева, Л. А. Новостная журналистика периода демократического транзита // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 118-120 (0,5 п. л.). DOI индекс http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2005-1730.

19. Васильева, Л. А. Мифы современного политического сознания в России // Россия и АТР. 2004. № 4. С. 144–147 (0,5 п. л.). DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2004-1731.

20. Васильева, Л. А. Мифологические структуры в печатных СМИ России // Власть. 2005. № 1. С. 12–16 (0,5 п. л.).

Монографии

21. Васильева, Л. А. Релевые функции СМИ в процессе политической мифологизации: монография / Л. А. Васильева. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерального ун-та, 2011. 322 с. (18, 83 п. л.); [Электронный ресурс]: монография / Л. А. Васильева Л. А. Электрон. текстовые данные. Саратов: Вузовское образование, 2015. 248 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/39115>. ЭБС «IPRbooks», по паролю.

22. Васильева, Л. А. СМИ в политических процессах тоталитарного и транзитного типов. Опыт сравнительного исследования места и значения печатной информации советского и российского общественных паттернов: монография / Л. А. Васильева. Владивосток: Изд-во «Комсомолка ДВ», 2003. 260 с. (15, 60 п. л.).

23. Васильева, Л. А. Делаем новости / Л. А. Васильева. М.: Аспект пресс, 2002. 190 с.; 2-е изд. М., 2003. (12 п. л.). DOI индекс: http://doi.org/10.17686/sced_rusnauka_2002-1717.

24. Васильева, Л. А. Новостная журналистика как фактор становления гражданского общества. Раздел I: Гражданское общество в России: теоретические конструкции и практики формирования. Глава II: Факторы и условия формирования гражданского общества в России // Государство и гражданское общество в России: новые практики взаимодействия. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2013. С. 127–137 (1 п. л.).

Публикации в других научных изданиях

25. Васильева Л.А. Медиа: усиление мифологической составляющей экстремального периода. / Л.А.Васильева. Фонд содействия научному развитию «Novation», «Новация». Болгария, София. // 2016. № 6. 0,75 п.л. Vasilyeva LA Media: засилване на митологичен компонент екстремни период. / L.A.Vasileva. Фондация насърчаване на научното развитие «Novation», «иновации». България, София. // 2016 № 6. С. 138-142 0,75 п.п.

26. Васильева Л.А. Медиа: идеологическое дезориентирование в концентрированной войне 80-90-х годов // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. № 11(8). 2-15: VIII международная научно-практическая конференция / Международный научный центр «Сфера общественных наук» (International Center for the social sciences). Екатеринбург, 20-21 февраля 2015. Екатеринбург, 2015. С. 54–57.

27. Васильева, Л. А. К нам едет «Ревизорро». (Координация медийных каналов) // Журналист. 2015. № 12. С. 64–66.
28. Васильева, Л. А. Медиа: экстремальная ситуация, создание и трансляция образа врага: тез. // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени: IV международная научно-практическая конференция / НАУ: Национальная ассоциация ученых. 2014. № 4. С. 167–169.
29. Васильева, Л. А. Политические акции: трансляционная роль СМИ, мифов их реализации (советский период) // Концепт. 2014. № 3 (март). ART14063 (0, 5 п. л.). URL: <http://e-koncert/ru/2014/14063.htm>. Гос.рег. Эл. № ФС 77-49965.ISSN 2304-120X. [Статья на Всероссийском конкурсе «Лучшая научная статья – 2014» в номинации «Политические науки» удостоена диплома лауреата].
30. Васильева, Л. А. Ребрендинг мифа политического героя в медийном пространстве современной России // Moderni vymozenosti Vedy – 2014: materialy X Mezinarodny vedesko-prakticka conference, 27.01.2014 – 05.02.2014. Dil. 14: Politicke vedy: Filosofie.-Praha, Publishing House «Edication ang Science s.r.o.2014. С. 9–16 (0,5 п. л.) [Регистрация в РИНЦ статьи, регистрационный номер 158266].
31. Васильева, Л. А. Переходный период российской журналистики: формирование медийного жанра «информационные войны» // Актуальные вопросы развития науки: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 14 февр. 2014 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 249–254 (0,5 п.л.).
32. Васильева, Л. А. Советские и постсоветские теории СМИ: содержание и тенденции развития // XVII международная конференция, посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук». 28 февраля 2014 г. М.: Социум, 2014. С. 64–68 (0,5 п.л.).
33. Васильева, Л. А. Новостная журналистика как фактор становления демократического общества // Вторая международная научно-практическая конференция: теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире, 29–30 апреля 2013 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 140–149 (0,5 п. л.).
34. Васильева, Л. А. СМИ: возрождение тоталитарного мифа. VI Всероссийский конгресс политологов // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия, Москва, 22–24 нояб. 2012 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 96–97 (0,75 п. л.).
35. Васильева, Л. А. Ролевые функции СМИ в процессе ретрансляции криминальной символики / Л.А. Васильева, В. П. Федоров // Борьба с терроризмом: идеология проблемы: материалы Всерос. науч.-практ. конф., (г. Армавир, 29-30 апреля 2011 г.) / науч. ред. А. А. Варатумян // Армавир, РИЦ АГПА, 2011. С. 225–233 (0,5 п. л.).
36. Васильева, Л. А. СМИ как объект политологического исследования: тоталитарная система // Сборник трудов профессорско-

преподавательского состава ИМТиГа. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. С. 111–118 (0,5 п. л.).

37. Васильева, Л. А. Медийные каналы – ретрансляторы современной символической политики // Изменение России: политические повестки и стратегии: материалы междунар. науч. конф., Москва, 25-26 нояб. 2010 г.: тез. докл. М.: Российская ассоциация политической науки, 2010. С. 39-41 (0,75 п. л.).

38. Васильева, Л. А. СМИ как объект политологического исследования: тоталитарная система // Сборник трудов профессорско-преподавательского состава ИМТиГа. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2010. С. 111–118 (0,5 п. л.).

39. Васильева, Л. А. Медийные каналы – оперативные ретрансляторы современных политических мифов // // Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы: тез. докл. V Всерос. конгр. политологов, Москва, 20-22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. 544 с. (0,75 п. л.).

40. Васильева, Л. А. Корпоративная летучка. Обсуждаем материалы «Комсомольской правды // Журналист. 2009. № 5–6. С. 65 (0,1 п. л.).

41. Васильева, Л. А. Меню репортера: на первое – инфотейнмент, а на десерт диатриба // Журналист. 2008. №7. С. 66–67 (0,2 п. л.).

42. Васильева, Л. А. «Инфотейнмент», «финишинг», «эвент экшн» и прочее – кому угодно голову заморочат // Профессия – журналист. 2002. № 4. С. 25-28 (0,4 п. л.).

43. Васильева, Л. А. Потребитель ждет новостей и сенсаций // Профессия – журналист. 2002. № 2. С. 41–44 (0,25 п. л.).

44. Васильева, Л. А. Формирование репутации демократического общества в постсоветском информационном пространстве // Политология и политологическое образование: материалы первой междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 2002. С. 265–272 (0,5 п. л.).

45. Васильева, Л. А. Масс медиа – резерв политической структуры в формировании демократического общества. // Тезисы научно-практической конференции. М.: Изд-во МГУ, 2002 (0,1 п. л.).

46. Васильева, Л. А. [«Дальневосточное обозрение» (с. 154); «Известия Совета рабочих и военных депутатов» (с. 211); «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» (с. 211); «Красная звезда» (с. 256); «Красное знамя» (с.256); «Крестьянин и рабочий» (с. 260); «Крестьянская правда» (с. 260); многотиражные газеты Приморского края (с. 303); «Приморский крестьянин» (с. 388) и др.] // Приморский край: краткий энциклопедический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 596 с. (1 п. л.).

47. Васильева, Л. А. «Крестьянская газета» для молодежи // Молодой журналист. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1979. 6 июня.

48. Васильева, Л. А. Пропагандистские материалы, посвященные 60-летию Великого Октября, на страницах сельскохозяйственных изданий // Дальний Восток за 60 лет советской власти: Юбилейный сборник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1982. С. 99–104 (0,5 п. л.).

49. Васильева, Л. А. Молодежная тематика на страницах газеты «Приморский крестьянин» // Дальневосточный комсомол в хозяйственном и культурном строительстве. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1981. С. 24-28 (0,25 п. л.).

50. Васильева, Л. А. Не только о земле просили писать читатели газеты «Крестьянская жизнь» // Амурская правда. 1989. 29 марта.

51. Васильева, Л. А. Газета о крестьянах, газета для крестьян // Тихоокеанская звезда. 1982. 6 мая.

52. Васильева, Л. А. Газета приморских крестьян // Красное знамя. 1982. 17 сент.

53. Васильева, Л. А. Большевистские крестьянские издания в Приморье // Молодой журналист. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983. 5 мая.

54. Васильева, Л. А. Из истории становления большевистских крестьянских газет Приморья. (1917–1925 гг.) // Журналистика: проблемы истории, теории, практики. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. С. 85–91 (0, 25) и др.